

Тут явные подмена и передержка понятий. То, что примысливал Лысенко, было не более чем перепевом старых ламаркистских воззрений на природу изменчивости и наследственности как адекватной реакции на те или иные условия воздействия внешней среды. Никаких генетических механизмов здесь не предусматривалось. Достаточно было фактора влияния, воспитания. Но так называемые вегетативные, прививочные гибриды, если вообще они были, это совсем не то, что истинные соматические гибриды с настоящим слиянием клеточных протопластов. Если и удалось теперь управлять наследственностью, чего так добивался Лысенко, то не лысенковскими же методами. И тем не менее, именно в последние годы во всякого рода ненаучных и квазинаучных источниках снова стали воскрешать эту личность, возводя его аж в «рыцари науки». Хорош рыцарь, угробивший целое научное направление и лучших его представителей. Все это логично укладывается в воскрешение у нас автократии, включая моральную реабилитацию И.В. Сталина и его режима. Немудрено, что кое-кто опять вспоминает с ностальгией того же Лысенко, сталинского академика и любимца. Отсюда логично и то, что если так хороши эти исторические фигуры, то, значит, недостойны и плохи их жертвы. Такого рода выступления также уже имеют место, например, в отношении Н.И. Вавилова.

Последние два года моего пребывания в Университете уже прошли без Р.Л. Берг. В 1963 г. она уехала в Новосибирск, в Академгородок. Тогда туда же уехал и ректор ЛГУ А.Д. Александров. В Сибирь перебирались в то время творчески наиболее талантливые и созидательные, креативные, как теперь говорят, научные силы. Мне же довелось впервые познакомиться с ВИРОм, пройти курсовую практику на опытной станции под Майкопом, под руководством известного ботаника Е.Н. Синской, которая была ближайшей сотрудницей Н.И. Вавилова. Тем не менее, я все ещё шараялся в выборе дальнейшего пути в науке. Дипломную работу делал в Колтушах, в Институте физиологии по радиационной генетике на дрожжах. По окончании Университета тоже отправился в Сибирь, только не заниматься наукой, а учительствовать в довольном глухом уголке Красноярского края. В тот год многих выпускаемых с биофака студентов распределяли учителями в сельские школы, хотя преподавательской практики никто из нас не проходил. Можно было устроиться поблизости, в Ленинградской области, но из принципа решил ехать в сибирскую глушь. Привлекал туда ещё и романтический песенный флер: «Туман тайги и белый снег берез...» Тогда мы были ещё во многом романтики, не в пример нынешней молодёжи. Впрочем, из всего моего выпуска в Сибирь в школу поехал, по-моему, один только я. Проработал там полтора года, понял, что это не моё, и вернулся. И всё же это время не считаю потерянным, тот край мне дал нечто такое, чего я никогда бы не знал, не испытал, живя дома.

Завершая воспоминания о Р.Л. Берг, которые во многом явились воспоминаниями о себе самом, помню, что видел её ещё однажды, видимо, уже после её возвращения в Ленинград. По-моему, это было в Университете на какой-то встрече студентов. Меня представили как одного из её учеников с кафедры дарвинизма. Но она меня не признала, причём, похоже, по принципу рассказанного о ней анекдота: «Раиса Львовна, Вы почему со мной не здороваетесь? Вы меня не узнали? Узнала, потому и не здороваетесь». Впрочем, может быть, действительно не узнала, но выдавал тон. Если и узнала, то, видимо, я был из тех, кто не оправдал её надежд. Меня это никак не задело и не обидело. Я действительно не заслужил её признания, ибо оказался не тем учеником на её пути, о котором стоило вспоминать. Но тем, кто знал или как-то соприкасался с Раисой Львовной, невозможно не помнить, не вспоминать её, в общем, с восхищением.

Восхищением яркостью её природы и всей её жизни. Читая её книги, слушая воспоминания о ней, ещё более постигаешь не только интеллектуальную, но и нравственную глубину её характера, наряду с присущей только ей оригинальностью мышления и поведения. Если можно женщину возводить в рыцарство, то вот уж действительно рыцарь без страха, но, увы, не без упреков, которых выпало на её долю немало. Такие личности, как она, не забываются, и помнить о ней будут очень долго, если не вечно.

Remembering Raisa Berg

ERNST V. TRUSKINOV

All-Russian N.I. Vavilov Research Institute of Plant Industry,
St. Petersburg, Russia; truskinov@yandex.ru

The memories of Ernst Truskinov, a leading research fellow of the All-Russian N.I. Vavilov Research Institute of Plant Industry, about Raisa L'vovna Berg (1913–2006), the famous geneticist, and his interactions with her at the University.

Возрождение отечественной генетики глазами очевидца и участника: интервью с академиком РАН В.А. Драгавцевым*

С.В. ШАЛИМОВ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; sshal85@mail.ru

Статья представляет собой интервью с известным отечественным генетиком академиком РАН В.А. Драгавцевым. В.А. Драгавцев — бывший директор Всероссийского института растениеводства им. Н.И. Вавилова РАСХН, бывший учёный секретарь Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР. В процессе обсуждения затрагиваются проблемы возрождения отечественной генетики в «послелысенковский» период, начиная со второй половины 1960-х гг. В частности, В.А. Драгавцев повествует о развитии международных научных связей советских генетиков в рассматриваемые годы. В интервью поднимаются также вопросы о засилье «лысенковцев» в научно-образовательных и партийно-государственных структурах. Наряду с этим большое внимание уделено отдельным ведущим научным центрам в области генетики. В частности, В.А. Драгавцев повествует о своём опыте работы в Институте цитологии и генетики СО АН,

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-33-01295.

рассказывает о развитии науки о наследственности в Институте общей генетики АН СССР, на кафедре генетики и селекции Ленинградского государственного университета. Приоритетное внимание в интервью уделяется персоналиям генетиков. Так, В.А. Драгавцев рассказывает о совместной работе с Д.К. Беляевым, повествует о Н.П. Дубинине, М.Е. Лобашёве и др. Автор предлагаемой публикации дополнил воспоминания вводной статьёй и прокомментировал основные моменты интервью с помощью архивных документов и биографических справок.

Ключевые слова: генетика, история генетики, социальная история науки, интервью, лысенковщина, международные научные связи, Н.П. Дубинин, Д.К. Беляев.

История отечественной генетики привлекает всё больший интерес российских и зарубежных исследователей. Трагические страницы истории советской генетики середины XX века в достаточной степени отражены в научной и публицистической литературе (Joravsky, 1970; Александров, 1992; Медведев, 1993; Krementsov, 1997; Сойфер, 2002; Roll-Hansen, 2006; Pringle, 2008; Шалимов, 2011; Stanchevici, 2012; и др.). Однако куда большей актуальностью на данный момент обладают проблемы развития генетических исследований в последующие десятилетия советской эпохи. Как известно, начиная с середины 1960-х гг. научно-техническая политика государства в области биологических исследований была нацелена на восстановление утраченных позиций и преодоление последствий «лысенковщины». Вместе с тем история отечественной генетики в «послелысенковский» период изучена крайне слабо. Практически отсутствуют работы профессиональных историков о развитии генетических исследований в СССР во второй половине 1960-х — 1980-е гг. В какой-то мере названный пробел был восполнен автором предлагаемой статьи в ряде предшествующих публикаций (см. напр.: Шалимов, 2013а, 2013б, 2015).

В этой связи первостепенное значение приобретают поиск и последующий анализ разноплановых исторических источников — архивных документов, периодической печати и воспоминаний ветеранов-генетиков. Ввиду хронологической близости рассматриваемого периода, особую ценность имеют материалы «устной истории» — воспоминания очевидцев сложного процесса возрождения некогда «опальной» науки о наследственности. Автор предлагаемой работы планирует серию публикаций интервью, проведённых им с ведущими отечественными генетиками. Герой данной статьи — академик РАН Виктор Александрович Драгавцев, в 1968–1984 гг. занимавший пост учёного секретаря Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР, активный участник организации XIV Международного генетического конгресса в Москве в 1978 г., а также долгое время возглавлявший легендарный ВИР.

В настоящей публикации вниманию читателя предлагаются воспоминания, относящиеся к периоду второй половины 1960-х — 1980-х гг. Как известно, развитие отечественной генетики в рассматриваемые годы характеризовалось разнонаправленными тенденциями. После отставки Н.С. Хрущёва (1964 г.) политика в отношении науки о наследственности стала более приемлемой в сравнении с предшествующей эпохой «лысенковщины» (1948–1964), и генетика получила определённую поддержку государственной власти. Благодаря этому во второй половине 1960-х гг. произошёл прогресс в подготовке кадров, отмечаются усиление международных связей, значительное расширение возможностей для публикации научных исследований и обмена опытом между учёными-генетиками, а также успехи в области популяризации науки о наследственности.

Вместе с тем на перестройку биологии после смещения Н.С. Хрущёва влиял целый ряд социально-политических императивов. В частности, продолжалось латентное сопротивление «лысенковцев», так как многие из них сохранили свои должности в партийно-государственных структурах и в научно-образовательной сфере. Наряду с этим, со второй половины 1960-х гг. наблюдаются негативные изменения в политико-идеологической атмосфере, нарастание консервативно-охранительных, «неосталинистских» тенденций в политике правящих кругов. Данная ситуация сохранялась и в последующий период 1970-х — первой половины 1980-х гг. В сущности, до второй половины 1980-х гг. отсутствовала объективная история советской генетики, а открытая критика Т.Д. Лысенко была в значительной степени под запретом.

При этом, если говорить о политико-идеологическом контексте развития науки о наследственности в рассматриваемые годы, то здесь на первое место вышла дискуссия «природа—воспитание», касающаяся генетики человека. Как известно, обозначенная проблема стала яблоком раздора для двух крупнейших советских генетиков — Д.К. Беляева и Н.П. Дубинина.

Другим негативным фактором, замедлявшим развитие науки о наследственности, являлось состояние материально-технической базы. Согласно архивным документам, на протяжении всего рассматриваемого периода прослеживается явная недостаточность материально-технического обеспечения исследований. Кроме того, в конце 1970-х — 1980-е гг. всё более заметным становится экономический кризис в СССР, который применительно к советским генетикам проявился в сокращении финансирования, в проблемах с получением научной литературы и периодики из-за рубежа.

Безусловно, было бы неверно придать всем событиям изучаемой эпохи лишь отрицательную окраску. Одним из важнейших «прорывов» советских генетиков явилось проведение XIV Международного генетического конгресса в Москве (1978), который воспринимался как яркий симптом возрождения в СССР «опальной» науки. В то же время «железный занавес», трудности с выездом советских учёных за границу, наряду с языковым барьером и обострением «холодной войны», являлись существенным препятствием для полноценного включения советских генетиков в международное научное сообщество.

Все обозначенные вопросы нашли отражение в предлагаемом интервью с академиком РАН В.А. Драгавцевым.

Драгавцев Виктор Александрович (р. 1935) — известный ученый-генетик и селекционер. Окончил Казахский сельскохозяйственный институт (1959). Доктор биологических наук (1985), профессор (1989), академик РАСХН (2001), академик РАН (2013). Работал старшим научным сотрудником Главного ботанического сада АН Казахской ССР (1960–1964). С 1965 г. — в Институте цитологии и генетики АН СССР: вначале старший научный сотрудник, впоследствии заведующий лабораторией генетических основ селекции растений. В 1968–1984 гг. занимал пост учёного секретаря Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР. С 1984 по 1990 г. исполнял обязанности заместителя директора по науке Краснодарского НИИ сельского хозяйства им. П.П. Лукьяненко и одновременно заведующего отделом биотехнологии и генетики. В 1990–2005 гг. возглавлял Всесоюзный институт растениеводства им. Н.И. Вавилова ВАСХНИЛ / Всероссийский институт растениеводства им. Н.И. Вавилова РАСХН. Ныне — главный научный сотрудник Агрофизического научно-исследовательского института ФАНО.

Академик РАН
Виктор Александрович Драгавцев
(фотография из личного архива
В.А. Драгавцева)

Автор 440 научных трудов, в том числе 20 монографий. Имеет 5 патентов и авторских свидетельств на изобретения. Заслуженный деятель науки РФ (1996). Награждён орденом Дружбы (2006).

— Виктор Александрович, в течение почти 20 лет, с 1965 по 1984 г., Вы работали в одном из лучших генетических центров страны — Институте цитологии и генетики СО АН СССР. Поэтому мне бы хотелось начать разговор именно с Ваших воспоминаний об ИЦиГе СО АН. Как, на Ваш взгляд, в 1960-е и в последующие годы выглядело материально-техническое обеспечение института?

— Вы знаете, я бы сказал так: конечно, по сравнению с другими институтами, по сравнению с той же Лабораторией радиационной генетики Н.П. Дубинина¹, а потом с Институтом общей генетики (ИОГен), ИЦиГ был оборудован очень даже неплохо.

Во-первых, в ИЦиГе было практически все своё. В ИЦиГе, что удивительно для институтов такого типа, была огромная и великолепная стеклодувная мастерская. Так что по заказу учёных

нашего института выдували совершенно любые стеклодувные конструкции. Во-вторых, в ИЦиГе был замечательный комплекс теплиц. Причём он был соединен со зданием тёплым коридором. Так что не надо было в холодные зимы одеваться, чтобы попасть в теплицу. Вы прямо из лаборатории шли через подземный переход в тепличный комплекс. Площади теплиц были большими. Поэтому генетики-растениеводы не конфликтовали из-за территории в теплицах. Всем хватало места. Это тоже очень большой плюс.

Если говорить о генетике животных, то здесь была огромная база у директора института Д.К. Беляева². В ней находились специальные помещения (шеды) для норок,

¹Дубинин Николай Петрович (1907–1998) — советский генетик, академик АН СССР. Организатор и первый директор Института цитологии и генетики СО АН СССР (1957–1959). Директор Института общей генетики АН СССР (1966–1981). Герой Социалистического Труда (1990). О его биографии см. подробнее: Дубинина, Овчинникова, 2006.

²Беляев Дмитрий Константинович (1917–1985) — специалист в области общей биологии, генетики, теории эволюции и селекции животных. Действительный член АН СССР (1972). Возглавлял Институт цитологии и генетики СО АН СССР с 1959 по 1985 г. Член Президиума (1966–1985) и зам. председателя Президиума СО АН СССР (1976–1985), председатель Сибирского отделения ВОГиС им. Н.И. Вавилова (1967–1977), председатель Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР (1968–1985). Президент Международной генетической федерации (1978–1983). См. о нём, напр.: Шумный, 2002.

для чёрнобурых лисиц, для вьетнамских микросвиней, которых мы тогда стали вводить в эксперименты. Были всевозможные вольеры для других животных. В том числе для овец, генетикой которых занимались наши некоторые лаборатории. В этом смысле все было очень хорошо.

Кроме того, у нас была тесная связь с Институтом автоматики и электрометрии СО АН. В этом институте были великолепные электронщики, которые по нашему заказу делали уникальные приборы.

Нельзя не сказать и о прекрасной библиотеке, которая была у нас в институте. Любой сотрудник, с утра придя на работу, обычно шел в библиотеку и знакомился с последними научными журналами, в том числе и зарубежными, которые лежали на специальном длинном столе. У нас было достаточно много журналов. В том числе мы снимали копии с журнала “Genetics”. Наш институт не мог себе позволить покупать данный журнал, так как он стоил очень дорого. Поэтому снимались копии. Это было возможно, потому что на тот момент Советский Союз не вступил в мировую систему охраны авторских прав. Таким образом, мы могли делать копии иностранных журналов. Это были, конечно же, копии на плохой бумаге. В то же время это была важная информация, причём из первых рук, и поступала она к нам очень быстро. В этом отношении всё было хорошо.

Вместе с тем не всё было так безупречно. Дело в том, что уже в те годы существовала проблема, которую нашей науке не удалось решить до сих пор. Это проблема быстрого получения реактивов. Наша работа очень затруднялась тем, что от заказа какого-то конкретного реактива до его получения могло пройти много времени. В данном контексте вспоминается моя стажировка в Канаде в 1973–1974 гг. Когда я работал в канадском институте, я мог просто в своей лаборатории вечером оставить на лабораторном столе листок-заявку, и уже утром у меня в лаборатории были необходимые реактивы. К сожалению, в нашей стране такие быстрые и регулярные поставки не налажены ни в одном институте даже в наши дни.

— Виктор Александрович, такой уровень материально-технической базы института был уже в середине 1960-х гг.? Или же все это налаживалось поэтапно на протяжении 1970–1980-х гг.?

— Когда я прибыл в институт, всё уже функционировало. Правда, теплицы ещё достраивались, но это происходило очень быстро, и буквально через полгода после моего приезда они были введены в строй. Что же касается мастерских, то они уже успешно работали. Таким образом, ко второй половине 1960-х гг. Институт цитологии и генетики был очень хорошо и мощно оборудован. Кстати сказать, это отмечали иностранные учёные, приезжавшие к нам. Вообще, нас посещали много зарубежных коллег, и они были в восторге, знакомясь с нашими лабораториями и теплицами. Они подолгу беседовали с учёными нашего института. Подобное общение было возможным, потому что в нашем институте уделялось внимание иностранным языкам. Так, в институте было несколько групп, которые изучали английский язык. Каждую из них вёл приглашённый преподаватель. Институт оплачивал их услуги. Поэтому, 2–3 раза в неделю мы в своих группах собирались и занимались. При этом курсы английского языка были бесплатными. Нас обучали разговорному английскому. Нас обучали чтению научной литературы. Кроме того, нас обучали порядку проведения и организации международных симпозиумов. И в целом, была очень хорошая дружеская обстановка. Был очень большой энтузиазм. Работали мы, конечно, не считаясь со временем.

— Таким образом, когда в 1965 г. Вы приехали в Новосибирский научный центр, здесь уже было некоторое превосходство над московскими институтами в материально-техническом плане? В целом, была ли в рассматриваемые годы неофициальная иерархия генетических учреждений в СССР?

— Действительно, превосходство на тот момент уже было. Вообще, в плане уровня исследований, наш институт был на втором месте после кафедры генетики и селекции Ленинградского государственного университета. Безусловно, в ЛГУ было кадровое преимущество. Кафедра генетики и селекции ЛГУ отличалась мощными кадрами. В частности, именно в ЛГУ работала сильная группа генетиков, сформированная М.Е. Лобашёвым³. Среди них были С.Г. Инге-Вечтомов, К.В. Квитко и другие учёные. Надо признать, что это была очень сильная команда молодых генетиков с высоким уровнем знаний и с высоким методическим уровнем работы. В свою очередь, наш Институт цитологии и генетики был на втором месте. Затем шёл Минский институт генетики и цитологии. Дело в том, что в Минске сформировалась когорта генетиков очень высокого уровня. На четвёртом месте был Институт генетики в Баку. Его директор — И.Д. Мустафаев, был бывшим первым секретарем ЦК Азербайджанской ССР. Однако из-за конфликта с Н.С. Хрущёвым его сняли. Но так как он был генетиком по образованию, то стал директором Института генетики. А поскольку он долгое время был первым секретарем ЦК, то перед ним в республике открывались любые двери. Ему удалось в кратчайшие сроки оборудовать свой институт по высшему уровню. Он очень быстро направил сотрудников из своего института за рубеж. Они там стажировались по 1,5 и по 2 года. По окончании стажировок они вернулись со знанием методик, со знанием всех направлений исследований. Поэтому их институт был на четвёртом месте.

На протяжении советской эпохи был именно такой расклад. Что же касается настоящего времени, то сейчас я бы отдал пальму первенства Институту цитологии и генетики СО РАН. Потому что в ИЦиГе сейчас более разнообразный набор направлений работ. Кроме того, в ИЦиГе есть генетика растений, которая исчезла на кафедре Ленинградского университета. Нет её и в Институте общей генетики в Москве.

— Виктор Александрович, какое место в приведённой иерархии занимал Институт общей генетики АН СССР под руководством академика Н.П. Дубинина? Ведь в момент создания в 1966 г. данного института он рассматривался как будущий главный генетический центр страны. Насколько он котировался в научном сообществе генетиков?

— Безусловно, Институт общей генетики котировался очень неплохо. Но проблема ИОГена заключалась в том, что в момент его создания все лучшие представители «старой гвардии» генетиков были собраны в Новосибирске. Как известно, когда Н.П. Дубинин создавал ИЦиГ СО АН, то он собрал всех разогнанных генетиков из всех научных школ. В Новосибирске были собраны представители Московской, Ленинградской, Ташкентской и Киевской генетических школ. Все четыре школы были разогнаны в период «лысенковщины», а Дубинин их собрал в ИЦиГе. И когда он их собрал, то при организации Института общей генетики уже не было старой когорты генетиков. Они уже все были в ИЦиГе. Поэтому при организации ИОГен Дубинин оказался, в общем-то,

³ Лобашёв Михаил Ефимович (1907–1971) — генетик и физиолог, доктор биологических наук, профессор. Заведовал кафедрой генетики и селекции ЛГУ (1955–1971). Один из организаторов Всесоюзного общества генетиков и селекционеров. Активный участник борьбы с «лысенковщиной». Автор первого после длительного перерыва учебника «Генетика» (1963, 2-е изд. — 1967).

на «чистом невозделанном поле». Конечно же, у него было немного хороших корифеев. Так, у него работала В.В. Хвостова⁴, некоторые другие учёные. Всего около пяти человек из старой когорты генетиков. Они стали учить аспирантов, развивать исследования. Но очень быстро Н.П. Дубинин с ними поругался. От него ушла В.В. Хвостова, которая перешла к нам в ИЦиГ. Стали уходить и другие учёные⁵. В результате Дубинин остался один со своими молодыми сотрудниками. Но как учёный Дубинин, конечно же, был генетиком номер один в стране, если отбросить его поведенческие особенности и обратить внимание на количество и качество его научных результатов. Причём результатов принципиальных, мировых, в чём он, безусловно, доминировал. Он доминировал и над Д.К. Беляевым, и над всеми нашими ветеранами в ИЦиГе.

— Что Вы можете сказать о международных связях Института цитологии и генетики СО АН? Известно, что во второй половине 1960-х гг. и в последующие годы международные контакты отечественных генетиков расширялись. Распространялось ли это на всех сотрудников или действовало только в отношении «избранных»?

— Я могу сказать, кто имел такую возможность. В первую очередь, сам Д.К. Беляев. Также ездили за рубеж В.В. Хвостова, Р.И. Салганик, В.А. Ратнер. Такая возможность была и у меня. Но были и так называемые «невыездные». К их числу относились Р.Л. Берг⁶, З.С. Никоро⁷, М.Д. Голубовский⁸. У них была совершенно несправедливая репутация «диссидентов», поэтому их не выпускали.

⁴ Хвостова Вера Вениаминовна (1903–1977) — доктор биологических наук, профессор. Специалист в области цитогенетики, радиационной генетики и мутагенеза. О биографии известного генетика и обстоятельствах её ухода из ИОГен АН СССР см.: Кикнадзе, 2010.

⁵ Речь идёт о резонансном конфликте Н.П. Дубинина с представителями «старой гвардии» генетиков: М.А. Арсеньевой, Б.Н. Сидоровым, Н.Н. Соколовым, В.В. Сахаровым, которые в 1967 г. перешли вместе со своими лабораториями в Институт биологии развития АН СССР. Подробнее об этой коллизии см.: Богданов, 2012, с. 117–121.

⁶ Берг Раиса Львовна (1913–2006) — генетик, доктор биологических наук. В 1963–1968 гг. — зав. лабораторией ИЦиГ СО АН СССР. Принимала участие в наиболее крупном проявлении оппозиционной активности учёных новосибирского Академгородка, имевшем место в начале 1968 г., когда 46 сотрудников СО АН и преподавателей НГУ подписали письмо с протестом против нарушения гласности в ходе судебного процесса над четырьмя московскими «диссидентами». Подробнее о «Письме сорока шести» см.: Кузнецов, 2015.

⁷ Никоро Зоя Софроньевна (1904–1984) — кандидат биологических наук, специалист в области общей и популяционной генетики, теории селекции. В ИЦиГ СО АН работала с 1958 г. Заведовала лабораториями: генетических основ селекции животных (1963–1971), генетики популяций (1971–1978). Её имя неоднократно фигурировало в документах партийных инстанций, таких как Партком СО АН, Новосибирский обком КПСС. Одной из причин были «колючие» высказывания З.С. Никоро на различных заседаниях. Например, 14 января 1964 г. на заседании учёного совета ИЦиГ СО АН она заявила, что в стране сложилось «позорное и безобразное положение с хлебом для людей и кормами для животных» (Научный архив СО РАН. Ф. 50. Оп. 1. Д. 128. Л. 7–12). О её биографии см.: Никоро, 2005.

⁸ Голубовский Михаил Давидович (р. 1939) — доктор биологических наук, генетик и историк науки. В Институте цитологии и генетики СО АН работал в 1963–1988 гг. в составе лаборатории генетики популяций. С 1988 г. — в Ленинградском отделе Института истории естествознания и техники АН СССР / Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Ныне — внештатный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН, приглашённый профессор Университета Калифорнии (США). Симптоматично, что в материалах партийного делопроизводства зафиксированы неоднократные его попытки поднять вопрос

Меня самого после возвращения из Канады сделали «невъездным» на восемь лет. Как пошутил Д.К. Беляев в беседе со мной, «ты в Канаде “наканадил”». Дело в том, что мои канадские коллеги спрашивали меня о жизни в СССР. Врать я не мог, к тому же за рубежом все были прекрасно осведомлены о внутреннем положении в нашей стране. Поэтому я находился в сложном положении. Если бы я начал говорить просоветские речи, то меня бы перестали уважать. Но я говорил правду, и меня стали уважать. В то же время кто-то из канадских (или наших) чиновников записывал мои речи и докладывал «куда следует». В итоге я на восемь лет потерял право выезда.

— **Виктор Александрович, когда Вы были за рубежом, Вы чувствовали, что мы отставали по уровню исследований?**

— Вы знаете, когда я был в Канаде, я ощущал, что мы впереди Канады. Потому что в Канаде не было того уровня развития генетики, как, скажем, в США. Я бы не сказал, чтобы университет, в котором я работал, был выше ИЦиГа по оборудованию и по персоналу. Думаю, мы находились примерно на том же уровне. Правда, сельскохозяйственные станции у них были лучше, чем наши.

— **Какой был международный авторитет ИЦиГа в 1960–1980-е гг.?**

— В те годы авторитет института был поразительно высоким. Очень высоким. К нам приезжали все самые большие «киты» генетики. Например, Дж.Л. Стеббинс. Этот человек приезжал из Америки только в ИЦиГ и больше ни в один генетический центр в СССР. К нам приезжали и другие учёные. Причём некоторые из них посещали только ИЦиГ и не ездили ни в Москву, ни в Ленинград. На международном уровне наш институт был своего рода «Меккой»: к нам стремились попасть самые крупные и самые знаменитые учёные. Более того, был реальный случай, когда английский профессор из Бирмингемского университета попросился к нам в ИЦиГ на стажировку к аспиранту В.К. Шумного — Б.И. Токареву.

— **Вырисовывается интересная ситуация. Как известно, в рассматриваемые годы постоянно декларировалось, что необходимо преодолеть отставание от Запада. Но при этом получается, что отставания не было. Почему же ИЦиГ вызывал такой интерес? Как институт мог котироваться, если мы отставали?**

— Дело в том, что наш институт был очень разнонаправленным. В институте были практически все ветви генетики. Все из тех, которые существовали в мире. Во всём мире такого центра, который представлял бы все направления генетики, практически не было. Таким центром был только ИЦиГ. И поэтому в ИЦиГ все так стремились. Когда я ездил в зарубежные командировки, то всегда слышал об ИЦиГе очень положительные отзывы. Наши зарубежные коллеги всегда давали нам самые высокие

о международных связях. Так, на открытом партийном собрании ИЦиГ СО АН, проходившем 30 декабря 1971 г., он задал вопрос: «Как выполняется план стажировки научных сотрудников за границей?», на который последовал ответ заместителя директора института В.К. Шумного: «План существует, но не выполняется по неизвестным причинам» (Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 740. Л. 68). В свою очередь, на открытом партийном собрании от 21 апреля 1986 г. М.Д. Голубовский сетовал на то, что его «дважды приглашали за рубеж — в Югославию и Венгерскую академию, но оба раза эти возможности не использовались. Почему? Лишение контактов наносит удар по профессиональному росту» (Там же. Д. 755. Л. 9).

оценки. Я всё время за рубежом слышал такие оценки. За рубежом мы котировались очень высоко. Так что я бы не стал говорить об отставании. С моей точки зрения были равные и, что немаловажно, очень взаимоуважительные отношения.

— **Виктор Александрович, говоря о международных связях, хотел задать Вам вопрос, касающийся конгресса в 1978 г. Насколько мне известно, Вы в нём тоже участвовали?**

— Не только участвовал. Я был правой рукой академика Беляева. Я в большой команде организовывал этот конгресс от начала до конца. Более того, мне принадлежала одна важная идея, которая оказала существенное влияние на работу конгресса. Дело в том, что президент США Джими Картер призвал своих генетиков не ехать на конгресс из-за ареста нескольких диссидентов в СССР. В этой связи я предложил Беляеву написать письмо Джими Картеру и пригласить его с докладом на наш конгресс. Почему? Джими Картер имел собственную арахисовую ферму. Более того, он опубликовал в генетических журналах США несколько работ по генетике арахиса. Беляев мне сказал: «Виктор, я же не могу писать президенту США. Я председатель Международного конгресса. Я же под колпаком. А ты пиши». И я написал письмо президенту США Д. Картеру следующего содержания: «Уважаемый Джими Картер, от имени Оргкомитета 14-го Мирового конгресса по генетике, я, учёный секретарь Научного совета по генетике СССР такой-то, приглашаю Вас выступить с докладом “Генетика арахиса на современном этапе”. Мы Вам предоставим пленарный доклад, дадим Вам неограниченное время, и нам будет очень интересно ознакомиться с Вашими замечательными генетическими исследованиями. Мы просим Вас почтить Вашим присутствием такой замечательный форум, как Мировой конгресс по генетике». Подписался и отправил.

Разумеется, он мне не ответил. Естественно, что он не приехал. Но факт есть факт. Американцев приехало около 100 человек. То есть он сначала призвал их не ехать. Потом, вероятно получив моё письмо, он дал тихое распоряжение: «Пусть едут». Поэтому они все приехали. В итоге у нас на конгрессе была очень большая группа американцев. В связи с этим репутация конгресса выросла в 2 раза. Вы помните, когда американцы проигнорировали наши игры и не приехали? Это был уже не тот авторитет. Здесь же они приехали. Признаюсь честно, я горжусь этим поступком.

— **Были ли какие-то попытки реванша «лысенковцев»? Они же оставались на кафедрах во многих высших учебных заведениях. Например, в Томском государственном университете работал профессор Б.Г. Иоганзен⁹, который в течение нескольких десятилетий сохранял верность идеям Т.Д. Лысенко.**

— Да, Вы знаете, что самое грустное, даже директор Ботанического сада СО АН — умная женщина, К.А. Соболевская — была «лысенкоидом». Б.Г. Иоганзен был «лысенкоидом». В то время Т.Д. Лысенко уже был убран. А его сторонники к нам не приезжали. Когда я пришёл в ИЦиГ, никаких рецидивов «лысенковщины» уже не было.

⁹ Иоганзен Бодо Германович (1911–1996) — доктор биологических наук, профессор по кафедре ихтиологии и гидробиологии Томского государственного университета. Занимал должности заведующего кафедрой (1940–1942; 1944–1988), декана биологического / биолого-почвенного факультета ТГУ (1939–1985; с перерывами), а также ректора Томского государственного педагогического института (1964–1971). Подробнее о его биографии см.: Фоминых С.Ф. и др., 1998, с. 164–170.

Кстати, когда я осуществлял программу ДИАС, я бы точно не смог её сделать в европейской части нашей страны, так как в Киеве, например, сидел академик В.Н. Ремесло, который был «лысенковец». Были и другие видные «лысенкоиды», например, профессор В.Н. Столетов — заведующий кафедрой генетики МГУ. А в Сибири уже были молодые селекционеры. Они уже были генетиками. Среди них: Р.А. Цильке, Б.Г. Рейтер и др. То есть когда я их собрал, то из селекционеров девяти селекционных центров ВАСХНИЛ не было ни одного «лысенковца». Они были прогрессивными селекционерами с хорошим знанием генетики.

— **Что Вы можете сказать о профессоре Б.Д. Иоганзене и вообще о ситуации с генетикой в Томске?**

— Мы с Б.Д. Иоганзеном не имели никаких отношений. Его поддерживали партийные органы. Вплоть до 1970 г. он делал ИЦиГу «пакости». Например, ездил по селекционным центрам Сибири. Критиковал наш институт. Но он очень быстро из Томского университета ушёл. К тому же плохая репутация была только у Б.Д. Иоганзена. После него у нас с томскими генетиками установились очень хорошие отношения.

— **Виктор Александрович, Вы долгие годы работали вместе с Д.К. Беляевым. Что Вы можете сказать об известном противостоянии академиков Н.П. Дубинина и Д.К. Беляева? Это была борьба за лидерство в науке? Своего рода соперничество?**

— Нет, соперничества не было. В ИЦиГе Д.К. Беляев был заместителем у Н.П. Дубинина. И когда Хрущёв выгонял Н.П. Дубинина с поста директора, Беляев его защищал. Дело в том, что у него с Дубининым были хорошие отношения. Когда Д.К. Беляев стал директором ИЦиГ, у него сохранились прекрасные отношения с Дубининым. Дубинин не часто, но приезжал в ИЦиГ. В свою очередь, Д.К. Беляев всегда заходил в ИОГен в Москве. Всё было нормально.

Переломный момент произошёл, когда в 1968 г. Дубинина сняли с поста председателя Научного совета по генетике и селекции при Президиуме АН СССР. Все это случилось из-за резонансной истории с ретушированием хромосом¹⁰. Один из сотрудников Николая Петровича отправил в зарубежный журнал фотографии с ретушированными хромосомами. Научная этика это строжайше запрещает. В итоге получился международный скандал. Президент АН СССР М.В. Келдыш отстранил Дубинина от руко-

¹⁰ Напомним, 15 марта 1968 г. Президиум АН СССР своим постановлением снял Н.П. Дубинина с поста председателя Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР. Вместо него председателем был утверждён Д.К. Беляев (Архив Российской академии наук. Ф. 2. Оп. 6. Д. 702. Л. 40). Причиной послужила статья Н.П. Дубинина, И.Л. Гольдмана, Э.Л. Иофе, В.М. Золотарева «Кариологические селективные клоны у человека и проблемы злокачественного роста» в сборнике «Успехи современной генетики» (1967, № 1). Одним из соавторов статьи, И.Л. Гольдманом, при подготовке её к публикации была сделана попытка ретуши фотографий. В свою очередь, Н.П. Дубинин, являясь главным редактором сборника, не отреагировал в должной мере на сложившуюся ситуацию. Данный инцидент специально рассматривался на заседании Президиума АН СССР 15 марта 1968 г. Как отмечалось в постановлении, случившееся исказило научный смысл фотографий и явилось «нарушением принципов научной документации». В документе подчёркивалось, что подобное отношение к подготовке научной публикации «не встретило должного осуждения» со стороны Н.П. Дубинина. В заключение постановления Н.П. Дубинину предлагалось дать справку об ошибке в следующем номере сборника, а директорам институтов и ответственным редакторам изданий было предписано более тщательно рассматривать представляемые к публикации материалы (Там же. Л. 52, 53).

водства Советом. После этого М.В. Келдыш позвонил Беляеву и сказал: «Дмитрий Константинович, соглашайтесь. Я убрал Дубинина и отдаю Совет Вам». Беляев сказал: «Мне очень неудобно, честно говоря, я бы этого не хотел. Понимаете, в чём дело, я ведь был у Дубинина заместителем. А теперь если Вы поставите меня председателем Совета, то Вы понимаете, какая будет реакция со стороны Дубинина». Келдыш говорит: «Дмитрий Константинович, а больше мне некого поставить. Дубинин директор ИОГена, вы директор ИЦиГа. Два крупных института. Я же не могу поставить председателем какого-нибудь профессора какой-нибудь кафедры. Вы должны быть председателем Совета». Поэтому Беляеву пришлось взять эту ношу на себя.

Когда Дубинин об этом узнал, он страшно разозлился. Он сказал: «Беляев должен был отказаться от предложения Келдыша, поскольку он был моим заместителем в Новосибирске. А он не отказался. Поэтому я его больше терпеть не могу и видеть его не хочу». После этого и началась известная вражда. Так что Беляев не был инициатором этой ссоры. Но Беляев, конечно, тоже был огорчен, когда Дубинин в 1973 г. вышел к мавзолею Ленина и сказал, что у себя в ИОГене они синтезировали ген¹¹. Это была неправда. Поэтому Д.К. Беляев пошёл на Президиум СО АН. Это всё в Вашей книге написано. Дмитрий Константинович доложил на Президиуме о случившемся. Председатель СО АН академик М.А. Лаврентьев сказал, что это совершенно антинаучное дело и позор для страны. После этого произошёл уже совершенно полный разрыв отношений между Д.К. Беляевым и Н.П. Дубининым.

Литература

Александров В.Я. Трудные годы советской биологии: Записки современника. СПб.: Наука, 1992. 262 с.

Богданов Ю.Ф. Очерки о биологах второй половины XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 508 с.

Дубинина Л.Г., Овчинникова И.Н. (сост.). Николай Петрович Дубинин и XX век: современники о жизни и деятельности: письма, материалы, воспоминания: к 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2006. 746 с.

Кикнадзе И.И. (сост.). Вера Вениаминовна Хвостова — учитель и друг. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 204 с.

Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «Письмо сорока шести». Документальное исследование. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2015. 468 с.

¹¹ Речь идёт о заявлении Н.П. Дубинина, которое он сделал 7 ноября 1973 г. во время праздничного репортажа с Красной площади. Данное утверждение вызвало большой резонанс в научном сообществе биологов. В частности, Д.К. Беляев в своём выступлении на заседании Президиума СО АН отметил: «кроме претензий на синтез гена, Н.П. Дубинин не в первый раз заявляет свои претензии на авторство в создании триплоидных сортов сахарной свеклы, которые созданы действительно при его участии на первом этапе в нашем институте, но в решающей части они были сделаны потом без него. В этой же информации на Красной площади Дубинин сообщил, что гибриды занимают 1,5 млн га, фактически же — 400 тысяч га. Наш институт не несет никакой ответственности за его заявление». В свою очередь председатель Президиума СО АН М.А. Лаврентьев охарактеризовал поведение Н.П. Дубинина как «некорректное» (Шалимов, 2011, с. 65–66).

Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. М.: Книга, 1993. 348 с.

Никоро З.С. Это моя неповторимая жизнь. Воспоминания генетика. М.: Academia, 2005. 288 с.

Сойфер В.Н. Власть и наука. (Разгром коммунистами генетики в СССР). 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЧеРо, 2002. 1021 с.

Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск: Изд-во Томского университета, 1998. Т. 2. 544 с.

Шалимов С.В. «Спасение и возрождение»: Исторический очерк развития генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели» (1957–1964). Новосибирск: Манускрипт, 2011. 239 с.

Шалимов С.В. Развитие генетики в Новосибирском научном центре во второй половине 1960-х гг.: социально-исторический аспект // Историко-биологические исследования. 2013а. Т. 5. № 1. С. 16–32.

Шалимов С.В. Проблемы истории отечественной генетики в «послелысенковский» период (1965–1985) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2013). Т. 1. М.: ЛЕНАНД, 2013б. С. 224–227.

Шалимов С.В. Проблемы социальной истории отечественной генетики в «поздне-советский» период (1970-е — первая половина 1980-х гг.) (на материалах Новосибирского научного центра) // Вопросы истории естествознания и техники. 2015. Т. 36. № 4. С. 665–697.

Шумный В.К. (отв. ред.). Дмитрий Константинович Беляев: Книга воспоминаний. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002. 284 с.

Joravsky D. The Lysenko Affair. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970. 459 p.

Krementsov N. Stalinist Science. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997. 371 p.

Pringle P. The Murder of Nikolai Vavilov. The Story of Stalin's Persecution of One of Great Scientists of the 20th Century. New York etc.: Simon & Schuster, 2008. 370 p.

Roll-Hansen N. The Lysenko effect: the politics of science. New York: Humanity books, 2006. 335 p.

Stanchevici D. Stalinist genetics: the constitutional rhetoric of T.D. Lysenko. New York: Baywood Publishing Company, Inc., 2012. 194 p.

The Revival of Soviet Genetics: An Interview with Academician V.A. Dragavtsev

SERGEY V. SHALIMOV

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey Vavilov,
St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; sshal85@mail.ru

The article is the interview with the well-known Russian geneticist and Academician Victor Dragavtsev. Victor Dragavtsev is the former director of the Vavilov All-Russian Institute of Plant Industry and the former secretary of the Scientific Council for the Problems of Genetics and Selection in the USSR Academy of Sciences. The article discusses the revival of Soviet genetics in the “post-Lysenko” epoch from

the second half of 1960s. Specifically, Victor Dragavtsev talked about the development of international contacts in those years. Besides, the interviewee said that Lysenko's associates retained their positions in the party apparatus and in the field of science education and much attention was paid to the development of the leading genetic centers. For example, Victor Dragavtsev shared his experiences conducting research in the Institute of Cytology and Genetics of Siberian branch of the USSR Academy of Sciences, spoke about the development of genetics in the Institute of General Genetics and in the Chair of Genetics and Selection of the Leningrad University. He reminisced about the personalities of well-known Soviet geneticists: Academician Dmitry Belyaev, Nikolai Dubinin, Mikhail Lobashev and others. The author of the article added the archive documents and biography notes to these memories.

Keywords: genetics, the history of genetics, the social history of science, interview, Lysenkoism, the international scientific contacts, Dubinin, Belyaev.

References

Aleksandrov V.Ya. (1992) *Trudnye gody sovetsoi biologii: Zapiski sovremennika* [The difficult days of the Soviet biology], Saint-Petersburg: Nauka.

Bogdanov, Iu.F. (2012) *Ocherki o biologakh vtoroi poloviny XX veka* [Essays of the biologists of the second half of the XX century], Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK.

Dubinina L.G., Ovchinnikova I.N. (comp.) (2006) *Nikolai Petrovich Dubinin i XX vek: sovremenniki o zhizni i deiatel'nosti: pis'ma, materialy, vospominaniia: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia* [Nikolai Petrovich Dubinin and the 20th century: contemporaries about his life and activity: letters, materials and recollections: in commemoration of the 100th birthday], Moscow: Nauka.

Fominyh S.F., Nekrylov S.A., Bertsyn L.L., Litvinov A.V. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskii slovar'* [The professors of Tomsk University: Biographical Dictionary], Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

Joravsky D. (1970) *The Lysenko Affair*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Kiknadze I.I. (comp.) (2010) *Vera Veniaminovna Khvostova — uchitel' i drug* [Vera Veniaminovna Khvostova — teacher and friend], Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN.

Krementsov N. (1997) *Stalinist Science*, Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Kuznetsov I.S. (2015) *Novosibirskii Akademgorodok v 1968 godu: "Pis'mo soroka shesti". Dokumental'noye issledovanie* [Novosibirsk Akademgorodok in 1968: “The letter of forty six”. Documentary research], Novosibirsk: Ofset-TM.

Medvedev Zh.A. (1993) *Vzlet i padenie Lysenko* [The rise and fall of Lysenko], Moscow: Kniga.

Nikoro Z.S. (2005) *Eto moia nepovtorimaia zhizn'. Vospominaniia genetika* [It's my unique life. The memories of geneticist], Moscow: Academia.

Pringle P. (2008) *The Murder of Nikolai Vavilov. The Story of Stalin's Persecution of One of Great Scientists of the 20th Century*, New York etc.: Simon & Schuster.

Roll-Hansen N. (2006) *The Lysenko effect: the politics of science*, New York: Humanity books.

Shalimov S.V. (2011) “Spasenie i vozrozhdenie”: istoricheskii ocherk razvitiia genetiki v Novosibirskom nauchnom tsestre v gody “ottepeli” (1957–1964) [“Rescue and revival”: the historical essay on the development of genetics in the Novosibirsk scientific center in the “thaw” years (1957–1964)], Novosibirsk: Manuscript.

Shalimov S.V. (2013a) “Razvitie genetiki v Novosibirskom nauchnom tsestre vo vtoroi polovine 1960-kh godov: sotsial'no-istoricheskii aspekt” [The development of genetics at the Novosibirsk scientific center in the second half of 1960s: its social and historical aspects], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, vol. 5, no 1, pp. 16–32.

Shalimov S.V. (2013b) “Problemy istorii otechestvennoi genetiki v ‘poslelysenkovskii’ period (1965–1985) [The Soviet genetics in the “post-Lysenko” epoch (1965–1985)], *Institut istorii yestestvoznaniia i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaia nauchnaia konferentsiia*, vol. 1, pp. 224–227.

Shalimov S.V. (2015) “Problemy sotsial’noy istorii otechestvennoi genetiki v “poznesovetskii” period (1970-ye — pervaya polovina 1980-kh gg) (na materialakh Novosibirskogo nauchnogo tsentra) [On the social history of genetics during the late Soviet period (1970s — first half of the 1980s). Materials from the Novosibirsk research center], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 2015, vol. 36, no. 4, pp. 665–697.

Shumnyi V.K. (ed.) (2002) *Dmitrii Konstantinovich Belyaev: kniga vospominanii* [The book of recollections], Novosibirsk: Geo.

Soyfer V.N. (2002) *Vlast’ i nauka (Razgrom kommunistami genetiki v SSSR)* [Communist regime and science (History of the crashing of Soviet genetics by communists)], Moskva: CheRo.

Stanchevici D. (2012) *Stalinist genetics: the constitutional rhetoric of T.D. Lysenko*, New York: Baywood Publishing Company, Inc.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Об одной хронике в двух книгах¹

М.Б. КОНАШЕВ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; mbkonashev@mail.ru

О Николае Ивановиче Вавилове — выдающемся учёном, биологе, генетике, растениеводе, географе, создателе современных научных основ селекции, учения о мировых центрах происхождения культурных растений, человеку удивительного обаяния и стратегического научного мышления, организаторе и первом директоре Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (ВИПБНК), преобразованного в 1930 г. во всемирно известный Всесоюзный институт растениеводства (ВИР), директоре Института генетики АН СССР, академике АН СССР и АН УССР, первом президенте Всесоюзной сельскохозяйственной академии наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) — было написано и опубликовано немало работ ещё в 1960–1980-е гг. (Бахтеев, 1987; Бальдыш, Панизовская, 1987; Бойко, Виленский, 1987; Вавилов, 1973; Горячева, Жукова, 1967; Короткова, 1978; Резник, 1968; Синская, 1991). Но в них было сказано далеко не всё и часто не так, как того хотели сами авторы. Упразднение цензуры, доступ к некоторым ранее закрытым архивным фондам и документам открыли возможности для более детального, более тщательного и объективного изучения научной деятельности и жизненного пути Н.И. Вавилова, его действительных достижений, а также неизбежных для всякого живущего, тем более активно действующего человека, в том числе великого учёного, ошибок. Количество публикаций, как статей, так и книг, посвящённых Н.И. Вавилову, в том числе сборников документов, впоследствии не только не уменьшилось, но и на порядок возросло (Драгавцев, 1994; Рокитянский и др., 2000; Вавилов, 2008; Мирзоян, 2007; Надеждин, 2011; Pringle, 2009). Только за период 2008–2012 гг. опубликовано более 100 работ². Тем самым, казалось бы, наши

¹ Рецензия на книги: *Глазко В.И.* Николай Иванович Вавилов и его время: Путь на Олимп (Хроника создания и распада СССР). М.: Нефть и газ, 2013. 550 с.; *Глазко В.И.* Николай Иванович Вавилов и его время: Великий перелом — путь на Голгофу (Хроника создания и распада СССР. Повинные в смерти). М.: Нефть и газ, 2014. 550 с.

² *Петров К.А.* От юбилея к юбилею. Обзор трудов о Н.И. Вавилове за последние пять лет // Известия ТСХА. 2012. Вып. 4. С. 186–192.